



## «МЕНЯ ИНТЕРЕСУЮТ ВСЕ-ТАКИ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ»

Беседа с профессором филологии  
Аллой Борисовной Ботниковой



*На всех этапах исторического развития познание природы чужих культур давало возможность обществу лучше осознать культуру собственную. Изолированное существование развивается в плоскости переживания, в то время как факт присутствия «другого» и оценки поступка с иной стороны определяет морально-этическую сторону жизни. Алла Борисовна, Вы много лет занимались изучением зарубежной литературы. Можно ли считать, что этот опыт необходим для лучшего понимания культуры отечественной? И чем чревато для общества ограничение внимания к иностранной литературе и мировому искусству?*

Начну с неглавного. Всю свою сознательную жизнь я преподаю предмет, официально именуемый «Зарубежная литература». И неизменно испытываю некоторое неудобство, произнося это словосочетание.

Слово «зарубежная» применительно к литературе мне не нравится. И к культуре вообще. Рубежи существуют в политике, наверное, в географии... Но какие рубежи в литературе? В детстве мы все читали сказку про Золушку или про стойкого оловянного солдатика, или про человеческого детеныша Маугли, выросшего среди зверей. Разве они казались нам чужими, разве оттого, что их создатели родились и жили не в моей стране, они мне менее интересны?

Хотим мы этого или не хотим, но человеческая культура, материальная и духовная — достояние общее. С материальной просто. Для нее границ изначально не существует. Мобильные телефоны, изобретенные не у нас, распространились со скоростью, сравнимой со скоростью какого-нибудь урагана, Катрин или Айк — все равно. Никто не задумывается, возникло это в нашей стране или за ее рубежами. Как только оценили удобство, приносимое изобретением, — принялись пользоваться.

С духовной культурой ситуация, конечно, сложнее. Но если вдуматься, столь же просто: возникает потребность, рушатся рубежи. Есть нужда — иностранный писатель (композитор, художник) становится своим. В XIX веке на весь тогда цивилизованный мир распространилось влияние Байрона. На какое-то время он стал «властителем дум», как сказал Пушкин. Не только у нас, в России. Байрон «угадал» что-то нужное эпохе и стал властителем дум для всей Европы.

В 60-е годы прошлого столетия — я сама была тому свидетелем — необычайной популярностью стали пользоваться произведения сначала Ремарка, а потом Хемингуэя. На необозримых пространствах Советского союза тогда их читали все. Объяснить это можно. Уставшие от официальной патетики люди возжаждали чего-то простого, человеческого. Все рубежи рухнули. Стали появляться переводы, издания, обсуждения.

Что же касается второй — и главной — части вопроса, то Вы уже на него ответили. Конечно, знание чужого уточняет представления о собственном.

Определяет ли присутствие «другого» морально-этическую сторону жизни — не знаю, не уверена. Но что позволяет самоопределиваться, бесспорно. Как можно понять, например, высокое нравственное содержание великих произведений Толстого или Достоевского, если бы фоном не служили творения писателей Запада, Бальзака или Флобера (тоже, кстати сказать, великих)?

Пренебрежение плодами «чужих» культур — большая потеря. В буквальном смысле — обеднение себя. Любое общение обогащает. Так же обстоит дело и с национальными культурами. Вне общения их развитие едва ли мыслимо. Еще в XIX веке В. Ф. Одоевский в примечаниях к «Русским ночам» писал: «...никакая мысль не родится без участия в этом зарождении другой, предшествующей мысли, своей или чужой...» Эти «свои или чужие» мысли — услышанные или прочитанные — незаметно проникают в сознание, остаются в нем, участвуют в формировании мировоззрения.

Простой пример. Конечно, есть люди, никогда не читавшие «Робинзона Крузо». Ничего, обходятся. Но ведь в таком случае они упустили возможность задуматься над тем, что может человек в одиночку и чего он один не может. Не читавший «Робинзона» в той же самой мере, что и не читавший «Сказку о золотой рыбке», ограбил себя. Можно, конечно, жить не размышляя. Есть, пить, спать, смотреть идиотские сериалы по телевидению... Но ничего, кроме одномерного существования из этого не выйдет.

Любая национальная культура проницаема. Если и устанавливаются какие-то рубежи, то они с неизбежностью временные. К тому же, не зная иностранной культуры и, в частности, литературы, можно ведь не понять и собственную. Особенно если вспомнить, что все великие русские писатели были и хорошо образованными, и начитанными людьми.

Вдумаемся хотя бы в строки из «Онегина»:

... Читал охотно Апулея,  
А Цицерона не читал...

Разве можно, не зная ничего об этих писателях, понять, о чем речь?

Какой ворох ассоциаций возникает за одной только строчкой Мандельштама: «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита...»!

И в плане личностном, и в плане историко-культурном отсутствие интереса к «чужому», незнание — ошибка, чреватая потерей для личности и страшными последствиями для культуры.

**Как Вы считаете, Алла Борисовна, в течение каких временных периодов происходят кардинальные изменения в культуре, которые очевидец в состоянии уловить?**

Изменения в культуре происходят непрерывно. Очевидными они становятся, однако не сразу. Мы сейчас присутствуем при коренных культурных сдвигах. Трудно сказать, когда они начались. Изменилось многое. Не хочу сказать — к худшему или к лучшему. Просто все стало иным. Не только у нас, в нашей стране. Думаю, что тектонические сдвиги тронули весь мир. Просто у нас все очевидней.

В области литературы это, наверное, наиболее заметно. Изменилась роль писателя. Исчезли «властители дум», гуру, учителя. Много хороших писателей, но нет «культовых» книг. Писательский труд включен в стихию рынка. Он все меньше становится формой самовыражения крупной личности и все более потакает вкусу читателя. Исключения, конечно, есть. Но тенденция такова. «Знаменитости» (или, скажем, звезды) теперь рождаются не естественным путем, когда какой-нибудь художник попадает в фарватер течения времени, когда он угадывает «идею времени», а в результате «раскрутки». PR — самая модная специальность на нашем факультете журналистики. Заметили?

СМИ начинают оказывать сильное влияние на человеческие представления, которые мало помалу становятся массовыми. В этом есть опасность. Опасность унич-

тожения личности. Каждое индивидуальное сознание в меру сил должно этому сопротивляться.

Существует опасность и для искусства. Еще в прошлом веке Вальтер Бенямин отмечал, что под влиянием средств информации меняется само существо (Wesen) искусства. Читатель, зритель, слушатель больше не остается наедине с произведением искусства. СМИ подсказывают ему оценку, более того и творец вынужден учитывать это, творит с оглядкой.

В литературе эти изменения очень заметны. Обратили ли Вы внимание, что в последние десятилетия из литературы исчезает так долго ее питавшая тема любви? То, что теперь именуют этим словом, совсем не похоже на то, что понимала под ним, скажем, классическая литература. И не только русская. Избранность чувства, ощущение предназначенности людей друг другу — это все ушло. Жаль. На этом чувстве рождались великие произведения, начиная с «Божественной комедии» и кончая «Стихами о Прекрасной Даме». Опасаюсь, что в результате происходящих в общественном сознании изменений мы получим (или уже получили) поколение, не способное читать Петrarку.

Многое в сегодняшней ситуации говорит о сломе в культуре. Явление это не новое. Время от времени в культурном коде происходили кардинальные изменения. В новой европейской истории можно отметить Ренессанс, романтическую революцию, модернизм XX века. Каждое из этих явлений означало разрыв с предшествующей традицией. Насколько справедливо наше сегодняшнее ощущение — покажет время. Современники часто ошибаются. Настоящий тектонический слом в культуре может ими и не чувствоваться.

***Когда-то Ю. М. Лотман утверждал, что «новое в русской культуре мыслится не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего в переломные эпохи»? Русскому обществу чуждо поэтапное и накопительное движение к новому?***

Затрудняюсь с ответом. Я не специалист в области русской культуры, к тому же не помню или не знаю, что имел в виду Юрий Михайлович Лотман и что он считал «переломными эпохами». Мне думается, что от XVIII века к XIX-му русская литература развивалась все-таки без срывов. Карамзинская реформа, Пушкин, Лермонтов... Я лично ощущаю преемственность с классикой и в «Докторе Живаго»... Да и про то, кто вышел из гоголевской шинели, тоже всем известно. К наследникам знаменитой шинели можно причислить, скажем, и многих героев М. Зощенко...

***Изменения в культуре нередко оцениваются в ракурсе собственных личностных трансформаций. Всегда есть соблазн рассматривать взросление или старение культуры в аспекте несовпадения или совпадения внешних проявлений с внутренним миром человека. То есть время культуры ограничивается экзистенциальными рамками отдельной жизни. Но нельзя не признать, что есть общественные факторы, которые объективно определяют изменения в культуре. Какие же именно из них являются опасными, а какие благоприятными для развития современной отечественной культуры?***

Опасность навязывать собственные эстетические вкусы развивающемуся движению художественных форм, конечно, существует. Есть много случаев, когда современники не понимают или не принимают художника. Большой художник часто опережает устоявшиеся представления о прекрасном. На то он и художник. Сейчас смешно, но музыка Бетховена кому-то из его современников казалась какофонией. Можно вспомнить скандалы, разыгрывавшиеся вокруг полотен импрессионистов. Но проходит время, и все становится на свое место.

Влияние общественных факторов на культуру одновременно и велико, и ничтожно. Это не парадокс. Связи здесь многовекторные. Государственная политика в об-

ласти культуры может быть для нее более или менее благоприятной. Идеологический нажим способен погубить художественное дарование или затруднить художнику самовыражение. За примерами далеко ходить не надо. История советской литературы еще не забыта. Законы рынка тоже малоблагоприятны для развития творчества. Негативное или равнодушное отношение общества к гуманитарному образованию способно надолго замедлить развитие и человеческой мысли, и культуры как производного от нее.

У этого вопроса есть, однако, и другая сторона. Духовная и — в частности — художественная культура, всегда и неизменно выражая состояние общества, служит его барометром. У нее есть и свои законы, свои неотменяемые открытия. Связи между жизнью общества и развитием художественных форм отнюдь не простые, установить здесь причину и следствие почти невозможно. Николаевская эпоха в России XIX века, едва ли благоприятная для развития мысли, была временем появления великих произведений русской литературы. У искусства есть, видимо, и свои собственные имманентные законы. Они диктуют формы художественного освоения действительности.

***Алла Борисовна, в какой мере университет можно оценивать как один из институтов общества, активно формирующих культуру?***

Если не университет, то кто же? Если понимать культуру как все то, что создано человеком, возделано им с помощью разума, умения и навыков, а университет — место, где как раз и изучается то, что создано человеком, ответ очевиден. Однако само понятие «университет» сейчас приобрело расширительное значение. Хорошее и в целом точное слово «институт» почему-то стало восприниматься как не соответствующее тому или иному учебному учреждению, и появилось множество «университетов» — педагогический, технический, архитектурно-строительный и т. д. Ничего не имею против, но не понимаю, зачем это понадобилось. Университет в старом, классическом значении был нацелен на постижение фундаментальных знаний. По крайней мере, так предполагалось. Потом обозначился крен в сторону прагматизма в науке. Университеты в их старом понимании стали не нужны. И особенно ненужными (или относительно нужными) стали гуманитарные науки и — соответственно — факультеты. Не думаю, что это правильно. Именно гуманитарные знания формируют способность и интерес к мышлению, к разным формам искусства, гибкость ума.

Уверена, что эта ситуация когда-нибудь изменится. И университеты обретут свое назначение генераторов идей. Но университетское образование должно быть, конечно, не массовым, а элитарным. И отбор желающих учиться в университете должен быть особенно строгим.

Другой вопрос — можно ли быть культурным человеком, не заканчивая курс учебы в университете. Разумеется, можно. Просто этот путь более труден, хотя не исключаю, что и более продуктивен. Поскольку он более индивидуален, не «округлен» до свода общих истин. Но и они по-своему важны.

***Образ филолога, посвятившего свою жизнь изучению литературных текстов прошлого, без труда представляется затворническим. Постигание стихотворных размеров, жанров, стилей, композиций, сюжетов и прочего, безусловно, — увлекательное занятие. Но оно так явно оторвано от реалий современной жизни. Алла Борисовна, что делает труд литературоведения современным и даже актуальным?***

Когда заходит речь об актуальности любого гуманитарного знания или занятия гуманитарными проблемами, мне всегда делается нехорошо. Дело в том, что, как Вы знаете, по правилам ВАКа в оценке каждой диссертации должно быть указание на актуальность избранной темы. Когда я пишу отзывы на диссертации, я неизмен-

но задумываюсь над сутью вопроса. И, если честно, не знаю, как на него ответить. Актуально ли изучение Пушкина, Шекспира, Бодлера? Список можно продолжить. Если слово «актуальный» в переводе означает «действенный», то, может, в непосредственном смысле и нет. Смешно предположить, что новое слово о Пушкине (Шекспире, Бодлере и пр.) может кардинально воздействовать на нашу сегодняшнюю жизнь. Скажем, решить демографическую или какую-нибудь иную проблему... Но человеку свойственно докапываться до глубин. Как сказано у Шекспира,

*Ведь Тот, кто создал нас с понятием  
О прошлом и будущем,  
Свой дивный дар вложил не для того,  
Чтоб разум гнил без пользы...*  
(Перевод Б. Пастернака)

А если разум не должен «гнить без пользы», то, значит, и труд литературоведа кому-нибудь нужен.

***Одной из центральных тем Вашей научной деятельности является немецкий романтизм. Какие идеи романтиков могли бы сегодня получить или получили реальное продолжение?***

Реальное продолжение получили едва ли не все идеи романтиков. Другое дело, что понимать под «продолжением». Идеологи и художники сначала XIX, а потом и XX веков то боролись с романтизмом, то возвращались к нему, но никогда не «упускали его из виду». Романтизм — мощнейший взрыв в культуре и искусстве. А. Блок назвал его «шестым чувством». Влияние романтизма, как любой открытой системы, было разнонаправленным. Главное то, что он создал новую культуру, предложил новые формы мышления. И новую точку отсчета — человеческий дух, который «диктует законы всему сущему». Он отказался от принципа подражания природе, открыв дорогу новейшим формам искусства. По словам Г. Гачева, романтизм «отстоял необходимость искусства для жизни». Помимо этого он сформулировал и выдвинул высокие идеалы, к которым еще долго будет стремиться человечество. Ему же, конечно, мы обязаны и великими иллюзиями... Но осталась знаменитая «романтическая ирония», гениальная догадка об изменчивости и многозначности мира. Как представляется, она по-своему влияет на художественную мысль начинающегося столетия.

Впрочем, не все так думают. Раздумывая над Вашим вопросом, я неожиданно натолкнулась на интервью Бориса Гаспарова — известного лингвиста, ныне живущего в Америке, напечатанное в одном из сентябрьских номеров «Новой газеты». Он, оказывается, тоже занят сейчас романтизмом и через Соссюра усматривает его связь с современным постмодернизмом. Однако сетует на то, что «романтизм сейчас в мире находится под подозрением, почти как национализм». И продолжает: «Боюсь оказаться пессимистом, но мир так далеко ушел от романтиков, так внутренне от них отвернулся, что может быть и поздно».

***Есть явление в культурной практике последних трех десятилетий, которое оценивается университетскими гуманитариями трояко: одни серьезно и разнопланово изучают его, другие резко критикуют, третьи не замечают. Что значит для Вас оценка современной культуры в модусе постмодернизма?***

Постмодернизм — обозначение, объединяющее довольно разнородные понятия. Под ним разумеют и духовное состояние общества, и философию конца прошлого века, и произведения искусства. Многих отпугивает то, что новаторские поиски в искусстве постмодернизма часто сопрягаются с эстетикой безобразного. По мне, постмодернизм — все-таки явление кризисного сознания. В то же время я воспринимаю его как своеобразное подведение европейских культурных итогов. В наши дни

восходящее еще к Лютеру поэтическое обозначение Европы — Abendland (вечерняя земля) обретает дополнительное метафорическое значение. Октавио Пас пишет: «На наших глазах будущее закатывается, Идея современности обесценивается, мода на столь сомнительное понятие, как «постмодернизм», проходит, и вовсе не только в искусстве и в литературе. Основополагающие идеи и верования, в течение двух веков увлекавшие людей, переживают кризис». С этим приходится согласиться.

Не замечать постмодернизм нельзя. Он выражает мироощущение нашего времени и нуждается во внимательном изучении.

***Литературный герой, способный привлечь Ваше внимание, я полагаю, не стремится к бурной публичной жизни. Интересен его внутренний мир, ландшафты которого очерчены вопросительными знаками. Культура современная — для масс и о массах, не умеющих вопросы задавать и еще больше боящаяся, что ей предстоит держать ответы перед историей. Значит ли, что эту территорию культуры Вы как исследователь для себя закрыли?***

К сожалению, я уже вышла из возраста, когда отвечают на вопрос: «Мой любимый герой» или «Моя любимая книга». На этот вопрос можно ответить только в случае, если выбор невелик. А когда имеешь дело с многовековой историей литературы и с необозримым множеством героев, трудно остановить на ком-нибудь свое внимание. Массовая культура — сфера социологии, но никак не эстетики. Меня интересуют все-таки эстетические феномены. Но это не значит, что ее не надо изучать. Просто мне это не интересно.

***Алла Борисовна, если бы было возможно вторгнуться в архитектурные планы Воронежа, то какой бы памятник культуре Вы предложили установить? Что или кто могли бы стать образом культуры?***

Памятником культуре должен стать сам город, его планировка, здания, парки и т. д. И, конечно, чистые, ухоженные дворы и тротуары, этот бесспорный знак уважения городских властей к пешеходу. Никакая скульптура, сколь бы значительна она ни была, не в состоянии сообщить культурный облик городу. Петербург не стал бы хуже без фальконетова Петра, хотя с ним еще краше, а Москва ничего не проиграла бы, а, может статься, даже приобрела, если бы на месте растопыренного Юрия Долгорукого стоял бывший там некоторое время обелиск Свободе. Город — гармония домов, улиц и зеленых насаждений. Если без плана и разбора возводить отдельные здания, пусть даже архитектурно интересные, общий вид города не станет «культурнее». И еще: город — это его история. В Воронеже из-за войны осталось мало «истории». К глубокому сожалению, и то, что осталось, уничтожается. Это-то уж точно признак бескультурия.

*Беседу вела Т. А. Дьякова*

